

ШЕНШИРЕКСКОЕ ДЬЛО

БЛИЗЪ СЕЛЕНІЯ ОГЛЫ, ВЪ СѢВЕРНОМЪ ДАГЕСТАНѢ, СЪ 29-ГО ІЮЛЯ НА 30-Е 1857 Г.

(Разсказъ стараго ширванца).

Въ домѣ полковника З* собралось насъ нѣсколько человѣкъ. Полковникъ З*, какъ старый ширванецъ, бывшій въ безчисленныхъ дѣлахъ съ горцами, человѣкъ не лишенный природнаго юмора, какъ кавказецъ любившій поговорить, былъ очень интересенъ для молодежи, еще не слыхавшей свиста пули, не кочившейся въ дороховомъ дыму. — «Константинъ Ивановичъ, разскажите намъ что-нибудь изъ вашей походной и боевой жизни», стала къ нему приставать молодежь.

Полковникъ не заставилъ себя упрашивать. Онъ началъ разсказъ такъ:

— «Знаете ли, господа, или слышали вы, гдѣ находится селеніе Оглы?»

— «А шутъ его вѣдаетъ, почему мы знаемъ! вы вотъ разскажите, тогда мы и узнаемъ», закричали нѣсколько голосовъ.

— «Ну, такъ прошу вниманія».

«Селеніе Оглы лежитъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ, въ Бутишинскомъ округѣ, по дорогѣ къ укрѣпленію Аймаки, верстахъ въ сорока отъ укрѣпленія (нынѣ города) Темиръ-Ханъ-Шуры и верстахъ въ двадцати отъ Большаго Дженгутая, такъ сказать столицы бывшаго Мехтудинскаго Ханства. Въ этомъ селеніи, то есть въ Оглахъ, я стоялъ въ іюлѣ 1857 года, со второю и третьею ротами и со взводомъ стрѣлковъ нашего славнаго Ширванскаго полка, или съ «графцами», какъ насъ называли.

«Въ ночь съ 29-го на 30 іюля, часа за четыре до разсвѣта, часовыми нашими было услышано нѣсколько выстрѣловъ со сторожевыхъ башенъ, выстроенныхъ почти на всѣхъ высотахъ Мехтудинскаго Ханства, для наблюденія за непріателемъ. Выстрѣлы эти были знакомъ тревоги, и значили: непріятель показался въ нашихъ предѣлахъ. Двѣ роты и взводъ стрѣлковъ Ширванскаго Его Высочества Николая Константиновича полка, расположенныя въ с. Оглахъ, мгновенно выстроившись, тихо и въ порядкѣ двинулись къ высотамъ, идущимъ отъ араканскаго спуска. Темнота ночи препятствовала намъ оглядѣться на мѣстность, и мы, почти оцупью, подвигались впередъ;

но проводники, жоромъ знавшие се всѣми горными тропинками, вели насъ не останавливаясь. Волнистое и перерѣзанное оврагами мѣсто-положеніе много препятствовало движенію, такъ что мы едва, и то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, могли идти по-полувзводно и безпрестанно должны были свертывать и развертывать нашъ фронтъ.

«Не нарушая тишины ночи даже и ударомъ штыка о штыкъ, прошли мы по направленію къ горамъ болѣе пяти верстъ, совершенно не зная: гдѣ и въ какомъ разстояніи отъ насъ непріятель и сколько его? Подвигаясь впередъ, мы, менѣе чѣмъ послѣ часоваго марша, подошли въ прямоугольномъ направленіи къ послѣдней башнѣ, гдѣ и имѣли не болѣе пятиминутнаго отдыха; между тѣмъ, милиціонеры наши, разѣзжая вправо и влѣво, старались открыть непріятели, какъ вдругъ, среди полной тишины, вновь повторившіеся выстрѣлы и крикъ съ башни открыли намъ направленія враговъ.... Быстро начали мы подниматься на крутизны, чтобы, занявъ высоты, не дать мюридамъ обойти насъ съ фланговъ; пройдя еще около двухъ верстъ, мы стали замѣчать чернѣющіяся толпы непріятели, занимавшаго одну изъ высотъ хребта; стрѣлки наши, открывъ огонь, поднялись на высоту, а вслѣдъ за ними наша вторая рота, оставя за собой въ прикрытіи третью роту, съ крикомъ «ура» и съ барабаннымъ боемъ, ударила на врага, не выдержившаго и первыхъ нашихъ выстрѣловъ. Безъ всякой почти потери (*) заняли мы оставленную горцами позицію; третья рота, бывшая въ резервѣ, присоединилась къ намъ, и мы, не прерывая огня, продолжали преслѣдовать отступающаго непріятели, осыпавшаго насъ градомъ пуль. Преслѣдованіе наше продолжалось, на разстояніи около четырехъ или пяти верстъ, по крутымъ откосамъ хребта, такъ что мы безпрестанно должны были, спускаясь съ высотъ въ овраги, вновь подниматься на крутизну горъ, подъ непріятельскими выстрѣлами. Продолжая преслѣдовать, мы вышли на всхолмленную покатость хребта, и предъ нами вправо открылась крутизна, образовывавшая правый бокъ оврага, идущаго на востокъ отъ араканскаго спуска; въ зияющей пропасти его мы замѣтили толпы, которыя медленно двигались длинною вереницею къ подъему спуска. Кто были эти тѣни, мы не могли знать; только брызгавшія искры отъ ударовъ стали въ кремень, указывали намъ движеніе массъ и большую ихъ численность, то скрывавшуюся въ изгибахъ пропасти, то вновь появлявшуюся въ видѣ фосфорическихъ огоньковъ. Не оставляя преслѣдованія на-ходившагося впереди насъ непріятели, мы старались толпамъ,

(*) Одинъ стрѣлокъ былъ раненъ въ руку.

подвигавшимся въ оврагѣ, отрывая дорогу къ спуску и довольно быстро шли впередъ. Наконецъ близкій разсвѣтъ позволялъ намъ разглядѣть положеніе непріятеля: впереди насъ, около двухъ тысячъ отборныхъ всадниковъ старались задерживать наше движеніе, дабы дать возможность, подвигавшимся вправо отъ насъ въ полу-горѣ, мюрюдамъ, прогнать отобранную ими баранту изъ Джангута, къ спуску прежде насъ. Замѣтивъ малочисленность нашу, они удертивъ начали отступать; но, не смотря на чудеса отваги, высланной храбрецами, для солдатъ нашихъ, бывшихъ въ прошлую кампанію въ дѣлахъ подъ Башь-Кадыкларомъ, на чингильскихъ высотахъ и при Керпи-Кевѣ, было легкимъ и мгновеннымъ дѣломъ заставить горцевъ подезать намъ подковы коней своихъ, такъ что мы почти на хвостахъ скакуновъ ихъ гнали, видимо опережая непріятеля находившагося въ оврагѣ.

«Хищники, видя невозможность задержать насъ, заняли высоты спуска и, на половину спѣшившись, открыли по насъ сильный огонь; но роты наши, подъ градомъ пулъ, заняли высоты и обратили въ бѣгство лихихъ всадниковъ. Положеніе горцевъ, гнавшихъ баранту въ оврагѣ, стало критическимъ: преслѣдуемые (*) сзади драгунами и милиціонерами Ибрагимъ-хана Мехтулинскаго, они должны были пройти подъ огнемъ выстроившихся на высотѣ ротъ, и, не думая уже о добычѣ, старались только спасти или дорого продать жизнь свою; но, вѣроятно, мудры ихъ не усердно совершали намазы: въ эту роковую для многихъ изъ нихъ ночь отступление ихъ совершалось медленно, при неумолимомъ огнѣ. Въ этотъ моментъ открылась истинно-величавая картина: первые лучи восходящаго солнца, заигравъ на пятакахъ, озарили мѣстность и выказали всю удачу русскаго молодечества: тѣсные сзади мюнды быстро поднимались къ подъему спуска къ гибели здѣсь подъ перекрестнымъ огнемъ ширванцевъ. Впрочемъ, должно сказать, что отступление непріятеля недвѣнно было нѣкотораго порядка: конница, прикрывая пѣхоту, прошла съ всю до половины подъема, и вдругъ съ гикомъ ударила на нашу 2-ю роту; пѣхота же, поднявшись вслѣдъ за конницею, давъ залпъ изъ ружей, бросилась на 3-ю роту. Рукопашный бой закинулъ со всѣмъ ожесточеніемъ. Между тѣмъ, 2-я рота, успѣвъ расѣять конныхъ, бросилась на выручку 3-й роты и дѣло приняло новый видъ: это былъ уже не бой, не отступление, а бѣгство; горцы дрались на киджалахъ въ одиночку, по-парно и

(*) Драгуны и милиціи мехтулинскаго хана, расположенные въ селеніи Джангута, прибыли уже тогда, когда почти всё было кончено ширванцами.

кучками. Мюряды гибли, но не преслаи ношады, да ея и не было: подоспѣвшіе милиціонеры и драгуны, врѣзываясь въ ряды ихъ, рубили направо и налево, и шапки ихъ дыжились вражьей кровью. О разгудѣ и пирѣ нашего штыка нечего и говорить—свидѣтели тому трупы, легшіе на высотахъ араканскаго спуска!...

«Потеря, понесенная нами въ этомъ дѣлѣ, была слишкомъ незначительна противъ непріятельской: мы потеряли нѣсколько человекъ убитыми и ранеными изъ милиціи; изъ строя же у насъ, несмотря на семичасовую перестрѣлку, вышло сильно ранеными семь и контужеными 10 человекъ, тогда какъ непріятель оставилъ на полѣ божье 250 труповъ, не считая раненыхъ и убитыхъ, которыхъ горцы уносятъ по обычаю, 80 человекъ плѣнными и всю отогнанную баранту. Въ дѣлѣ участвовали два намба, подъ предводительствомъ Ибрагима Араканскаго, а численность сборища простиралась до 3,500 человекъ.

«Все дѣло со стороны нашей пѣхоты ведено было Ширванскаго полка храбрыхъ *маѣоромъ Зофронудо* и лично и испытанною храбростию *нашихъ ротныхъ командировъ*.

«Описавъ, какъ очевидецъ и участникъ, весь ходъ этого дѣла, я не могу умолчать о подвигахъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ молодцовъ—солдатъ. Я помню отъ начала до конца всю картину боя, и нѣкоторые черты рѣже остались въ моей памяти.

«Въ тотъ моментъ, когда 3-я рота была окружена толпою отчаянныхъ мюрядовъ, маѣоръ Зофронудо (*), находясь въ головѣ колонны, былъ отрѣзанъ отъ роты, нѣсколько выстрѣловъ было сдѣлано по немъ и занесено нѣсколько винжаловъ; но судьба видимо берегла его: рядовой 3-й роты *Дмитріевъ* бросился къ любимому начальнику; выстрѣломъ положилъ одного изъ горцевъ и, заслонивъ маѣора грудью своею, вызывалъ на бой мюрядовъ. Одинъ изъ удалцовъ налетѣлъ на него, но былъ въ мгновеніе ока заколотъ; тогда Дмитріевъ, съ крикомъ «держиcя траняни» и обернувъ ружье прикладомъ, началъ сыпать удары направо и налево. Многочисленность враговъ не пугала храбреца: онъ долго защищался и нападалъ, пока не упалъ, обезсмысленный отъ двухъ ранъ, нанесенныхъ ему кинжалами въ лѣвое плечо и въ животъ.

«2-й роты рядовой *Горященко*, выйдя изъ первыхъ съ низомъ Вачнадзе (командиромъ роты) на высоту подъема, выстрѣломъ положилъ одного горца и, мужественно бросаясь впередъ, прикрѣпляетъ своимъ увлекъ за собою товарищей. Заколовъ двоихъ изъ пѣшихъ

(*) Былъ полковникъ, начальникъ стрѣлковъ 83-го пѣхотнаго Самурскаго полка.

горцевъ, онъ ласково поглаживалъ свой штыкъ, шриговаривая:— «не нужно чистить: бусурманская кровь смыла ржавчину съ голубчина».

«Занимательнѣе же всего показался мнѣ рассказъ рядового *Дудникова*, когда я спросилъ его: какъ это онъ попалъ къ жюнда? — «Видно линия такая вышла», говорилъ *Дудниковъ*. «На меня бросилось двое; на бритой головѣ одного я разрядилъ свое ружье и только хотѣлъ пощекотать другого, да трусливъ, вѣрно, былъ: увернулся бѣстїя и бухъ на колѣни; я думалъ пардону просить, а онъ хватъ меня за ноги, да подъ себя, и норовить вынуть ивжалъ... Да и я не промахъ: схватилъ его за руки, да и держу; нашихъ по близости никого не было; ну, думаю себѣ, пропасть я, а онъ, дѣтина здоровый, ужъ совѣмъ—было дошелъ меня, да благо подвернулся тутъ *Александръ Михайловичъ*... Какъ дасть ему штыкомъ подъ ребра, такъ бритоголовый только крикнулъ «Алла!...» да и выпучилъ на меня свои зѣнки!»

«По окончаніи дѣла, прїятно было видѣть нашихъ солдатъ, когда они, забирая пѣнныхъ, подавали раненымъ воду и перевязывали ихъ раны. Въ числѣ ихъ находился почти ребенокъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцать или пятнадцать, красавецъ собою; къ нему подошелъ рядовой *Кисленко*, и, подавая ему сумки, съ найденными въ нихъ яблоками, грушами и чуреками, спросилъ его:— «Не твой ли, голубчикъ? на, возьми, да помани своихъ покойниковъ-то!»

«На третій день послѣ дѣла, къ намъ прїѣхалъ съ четырьмя сотнями милиціи командиръ полка, князь *Сергѣй Илларионовичъ Васильчиковъ*: съ нимъ мы ходили на рекотнотировку араканскаго спуска. Князь благодарилъ насъ за нашъ подвигъ. Вотъ точныя слова его благодарности:— «Слава дѣла вашего отразится на весь полкъ и подвигъ вашъ займетъ не послѣднюю страницу въ лѣтописяхъ здѣшней войны!» Его сіятельство подарилъ изъ своихъ денегъ по 200 рублей серебромъ на каждую роту. Громкое «ура» и «нокорнѣйше благодаримъ» были отвѣтомъ на слова и подарокъ любимаго нами начальника.

«На возвратномъ пути, князь заѣзжалъ въ укрѣпленіе *Аймаки*, чтобы видѣть нашихъ раненыхъ; съ отеческой заботливостью онъ распрашивалъ о положеніи ихъ и, отъѣзжая, подарилъ каждому изъ нихъ по 5 рублей серебромъ».

«Князь *Васильчиковъ* особенное вниманіе обратилъ на рядового *Дмитріева*; онъ посѣщалъ его раза два-три въ недѣлю въ лазаретѣ, произвелъ его за молодецкій подвигъ въ унтеръ-офицеры, а командуя войсками въ при-каспійскомъ краѣ, князь *Орбелиани*, прислалъ ему знакъ отличїя военнаго ордена св. Великомученика *Георгїя*. Но

не перенесъ старшій солдатъ-молодецъ лихаго удара клижала мюрида: сначала онъ было-поправился, сталъ ходить, былъ на мѣстѣ, гдѣ лихо дрались ширванцы, но вскорѣ потому заболѣлъ и умеръ. Миръ врагу твоему, старшій служившій! Вѣчная память тебѣ, исполнившему свято свой долгъ и присягу!

«Когда было получено извѣстiе въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ о молодецкомъ дѣлѣ ширванцевъ, то со всѣхъ батарей укрѣпленiя, по приказанiю князя Орбелiани, была произведена салютационная пальба изъ орудiй, во которыхъ равнело далеко по горамъ торжественную вѣсть о побѣдѣ.

29-го iюля 1871 года исполнилось четырнадцать лѣтъ со времени этого знаменательнаго событiя. Изъ нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, вѣтъ никого; остались только нѣкоторые офицеровъ, которые порой, въ минуту душевной, откровенной бесѣды, вспоминаютъ о славномъ, молодецкомъ дѣлѣ 2-й и 3-й ротъ нашего стараго, боеваго полка. И тутъ-то стоитъ послушать ихъ краснорѣчивый разсказъ о томъ, что дѣлалось въ незабвенный для нихъ день 29-го iюля. Дабы не предать забвенiю доблесть 2-й и 3-й ротъ Ширванскаго Его Высочества полка, я передаю печати разсказъ стараго ширванца въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ мнѣ передалъ очевидцемъ лихаго семичасоваго шенширесскаго боя. Пусть въ памяти нашей армiи не умретъ шенширесское дѣло. Пусть старшии-ширванцы, возвратившiеся въ родному очагу, если встрѣтятъ этотъ разсказъ, увидятъ, что служба ихъ не позабыта, что имена рядовыхъ Горященки, Кисленки, Дудникова, Дмитриева будутъ передаваться памяти новыхъ солдатъ-новобранцевъ. Пусть послѣднiе, полные силы, почерпнутъ отсюда примѣръ на будущее, сами будутъ похожи на Дмитриева, Кисленку, Дудникова, Горященку, именами которыхъ гордятся наша славная, сердечная кавказская армiя.

*Командиръ 2-й роты 84-го пѣхотнаго Ширванскаго Его Высочества полка,
капитанъ Владимиръ Довенецкiй.*

Ур. Дешлагаръ.